

ПРОЕКТ «ВЫЗОВЫ ПЕРЕХОДНОГО
ПЕРИОДА В СИРИИ»

Документ, представленный
на обсуждение (34)

Сценарии в сфере безопасности в Сирии в 2021- 2022 гг.

(Краткая выдержка из основного отчета)

Кирилл Семенов, Николас А. Херас, Серхат Эркмен
(в алфавитном порядке)
Российский совет по международным делам (РСМД);
Институт стратегии и политики Ньюлайна; Академия
жандармерии и береговой охраны, Турция

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы, возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским

институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

Редактор

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

Авторы

Кирилл Семенов, Николас А. Херас, Серхат Эркмен
(в алфавитном порядке)

Кирилл Семенов – внештатный эксперт при Российском совете по международным делам, а также ведущий рубрики в «Аль-Монитор».

Николас А. Херас – старший научный сотрудник и руководитель программы по устойчивости и неустойчивости государств в Институте стратегии и политики Ньюлайнса.

Серхат Эркмен – преподаватель кафедры международной безопасности и терроризма Академии жандармерии и береговой охраны Турции.

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя или организации автора.

Опубликовано в июле 2021 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

Введение

Сирия – географический объект, разделенный на три основные зоны контроля под управлением местных игроков, обладающих мощной и, по всей видимости, безграничной поддержкой влиятельных зарубежных акторов. Данные зоны включают в себя подконтрольную правительству территорию в западной, центральной и восточной Сирии, поддерживаемую Турцией и подчиняющуюся сирийской оппозиции территорию вдоль турецкой границы на северо-западе и севере страны; а также регион на северо-востоке, управляемый Автономной администрацией северной и восточной Сирии и ее военным альянсом – Сирийскими демократическими силами (СДС), – пользующимися поддержкой Соединенных Штатов и ряда их союзников – участников глобальной коалиции, противостоящей Исламскому государству Ирака и Леванта (ИГИЛ). Наблюдатели сирийского конфликта в целом полагают, что он находится в «замороженном» состоянии, а Сирия останется разделенной на указанные зоны контроля в течение неопределенного времени.

Однако данное предположение не учитывает значительной доли возможных перемен на самих сирийских территориях. Каждая из трех зон обладает уникальными характеристиками и местными обычаями, которые необходимо понимать для более широкой оценки возможных путей решения сирийского конфликта в будущем.

Женевский центр политики безопасности (GCSP) собрал узкую группу экспертов по Сирии: Кирилла Семенова (Россия), Николаса А. Хераса (США) и Серхата Эркмена (Турция). Названные эксперты проанализировали динамику ситуации в сфере безопасности в каждой из упомянутых зон и оценили сценарии развития событий на ближайший год на самих территориях, а также с точки зрения их взаимодействия друг с другом.

Игроки, контекст и факторы

1. Северо-западная Сирия

Серхат Эркмен полагает, что в течение последующего полугодия значительные изменения местной динамики в сфере безопасности в зоне Идлиба на северо-западе Сирии маловероятны. Сохранение статуса-кво в Идлибе зависит от поддержания хороших рабочих взаимоотношений между Россией и Турцией в рамках астанинского процесса. Эксперт

утверждает, что наиболее важным фактором на сирийском северо-западе выступают российско-турецкие отношения, поскольку сирийское правительство будет продолжать действовать против расположенных в Идлибе вооруженных группировок оппозиции. Турция обладает в регионе значительным военным присутствием – достаточным для того, чтобы убедить сирийское правительство не начинать там новую кампанию. Это, в свою очередь, позволяет предотвратить дальнейшую дестабилизацию зоны на северо-западе, а также не допустить возникновения катастрофической гуманитарной ситуации в самом Идлибе, в результате которой миллионы сирийцев направились бы в Турцию. Позиция Анкары по Идлибу заключается в максимально долгом сохранении статуса-кво за счет дипломатических отношений с Россией, реализуемых посредством астанинского процесса и путем размещения турецких военных. Анкара также стремится избежать стратегически непредвиденных ситуаций в Идлибе и Сирии в целом, способных подорвать российско-турецкие договоренности в других регионах – Северном Причерноморье и Восточном Средиземноморье.

Внимательно наблюдая за динамикой в идлибской зоне, можно сказать, что она сводится к постоянной консолидации силы группировкой Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ). Данная экстремистская джихадистская коалиция пережила российские и сирийские кампании против Идлиба, а также агрессивно подавила или поглотила всех своих соперников из рядов действовавшей в регионе сирийской оппозиции, в частности, из протурецкой Сирийской национальной армии (СНА), а также бойцов из связанных с Аль-Каидой формирований, таких как Хуррас ад-Дин. Стремление ХТШ – противостоять Хуррас ад-Дин и причастным к Аль-Каиде группировкам; ее победы над СНА и сильное влияние на местную динамику в идлибской зоне могут привести к тому, что Западу придется работать с ХТШ в рамках процесса аналогичного тому, который был применен к Талибану. ХТШ так же превратилась в тихого партнера Запада в борьбе против Аль-Каиды, ведущего в Идлибе действенную разведку в отношении ключевых транснациональных боевиков, приверженных салафитскому джихадизму, что сделало возможным нанесение по ним ударов БПЛА США. Турция не станет препятствовать обновлению и интеграции ХТШ в СНА, в результате которых ХТШ может быть признана международным сообществом. Однако нормализация восприятия ХТШ западными странами сопряжена с определенным риском: подобное обстоятельство может стать красной чертой для России, расценивающей данную группировку как террористическую, что не позволяет сирийскому правительству взять под контроль Идлиб.

Удобный для Турции статус-кво в идлибской зоне является наиболее вероятным сценарием на последующие полгода, однако на северо-западе Сирии Анкаре по-прежнему приходится иметь дело с некоторыми рисками. Например, несмотря на брошенные на сирийский северо-запад значимые силы, турецким солдатам, расположенным в идлибской зоне, постоянно угрожают нападения со стороны связанных с Аль-Каидой группировок и правительственных сил. Более того, военное реагирование на атаки со стороны правительственных сил влечет за собой риски эскалации отношений с Дамаском, что может привести к недопониманию с Россией по вопросу идлибской зоны. Это может повлиять на динамику и в других районах Сирии, в частности, на северо-востоке. Идлибская зона останется вызовом для турецкой сирийской и национальной стратегии, а также для целей Анкары сохранить хорошие рабочие взаимоотношения с Россией.

2. Северо-восточная Сирия

Николас А. Херас полагает, что пока США сохраняют постоянное военное присутствие в зоне, подконтрольной Сирийским демократическим силам и Автономной администрации северной и восточной Сирии; серьезные изменения в последующие полгода там маловероятны. По мнению эксперта, провинция Дейр-эз-Зор является наиболее вероятной точкой, где ситуация в сфере безопасности может усугубиться и, следовательно, повлиять на статус-кво в данном регионе. Однако наиболее серьезный риск для СДС представляет сценарий многостороннего и многофакторного кризиса на северо-востоке Сирии, поскольку СДС в значительной степени зависят от местных новобранцев, на которых сложно рассчитывать при обострении отношений с местными игроками. Важно «взглянуть на карту» глазами СДС. Автономная администрация не является целостной территорией, где СДС полностью контролируют местное население и обладают монополией на применение насилия. Некоторые районы на основной территории Автономной администрации непосредственно находятся под контролем врагов группировки: например, поддерживаемая Турцией зона операции «Источник мира», города Эль-Камышлы и Эль-Хасака, подконтрольные сирийскому правительству и его союзникам, а также районы, территориально относящиеся к Автономной администрации в связи с присутствием в них российских сил, осуществляющих патрулирование и защищающих Автономную администрацию от повторной военной кампании Анкары.

Ряд стратегических трудностей Автономной администрации северной и восточной Сирии оборачивается для нее постоянными вызовами, лишь

усугубляемыми пандемией COVID-19 и геополитической обстановкой; все это может повлиять на безопасность и стабильность на северо-востоке Сирии в последующий год. Такие стратегические трудности связаны с отсутствием доступа к воде в условиях зависимости экономики от сельского хозяйства, необходимостью обеспечения питьевой водой трехмиллионного населения региона, улучшения электроснабжения гражданских районов и регулярного поступления зарубежной гуманитарной помощи и торгового потока в районы Автономной администрации и за их пределы. В результате подобные стратегические факторы усугубляют неудовлетворенность деятельностью СДС в некоторых районах Автономной администрации, в особенности, когда они наслаиваются на хрупкость местной экономики на сирийском северо-востоке, ослабленной длящимся десятилетиями, еще до событий 2011 года, игнорированием со стороны сирийского правительства, отсутствием внимания, разрушениями военного времени – в частности, крупномасштабными военными операциями против ИГИЛ – и дестабилизацией, связанной с коронавирусными локдаунами, не говоря уже о перебоях в электро- и водоснабжении.

СДС – сложная силовая структура, сохраняющая исходные признаки альянса разрозненных отрядов ополчения, созданных коалицией по борьбе с ИГИЛ. В настоящий момент верховное командование СДС по-прежнему опирается на представленные курдским большинством Отряды народной самообороны и связано с ними. Seriously повлиять на стабильность в рассматриваемой зоне может и динамика отношений между верховным командованием курдских СДС, Отрядами народной самообороны и бойцами Рабочей партии Курдистана, расположенными в северо-восточной Сирии. Лидеры СДС – в особенности генерал-командующий Мазлум Абди, – поддерживающие тесные отношения с США, стремятся с помощью Вашингтона сконцентрировать внимание на развитии в Сирии Автономной администрации северной и восточной Сирии. Однако, по некоторым данным, лидеры Рабочей партии Курдистана, базирующиеся в горах Кандиль в северном Ираке, намерены использовать Сирию как стратегическую силу для проведения операций против Турции на турецкой территории и в Ираке, заручившись поддержкой некоторых лиц из Отрядов народной самообороны, – такую стратегию США никогда не поддержит, и она поставит под угрозу взаимоотношения между Вашингтоном и СДС. Более того, разногласия между верховным командованием СДС и Рабочей партией Курдистана, вызванные, очевидно, опасениями покушений на генерала Мазлума, задают основную динамику, которая может значительно изменить обстановку в области безопасности и геополитики на северо-востоке Сирии.

Региональная политика также является одним из факторов, значительно усложняющих положение дел. Ключевая динамика на северо-востоке Сирии будет обусловлена развитием отношений между СДС и Россией. Лидеры СДС не доверяют Москве, поскольку ядро Отрядов народной самообороны, составляющее верховное командование СДС, полагает, что Россия позволила Турции в марте 2018 года вторгнуться в северо-западный сирийский регион Африн, где большая часть населения представлена курдами, а также что Москва стоит за деятельностью в провинциях Ракка и Дейр-эз-Зор, подрывающей безопасность в Автономной администрации северной и восточной Сирии. И хотя СДС расценивает Россию как далеко не идеального партнера, их руководство признает необходимость российской поддержки для снижения рисков дальнейших турецких операций в зоне Автономной администрации. Несмотря на то, что СДС зависят от поддержки военной авиации США, их руководство понимает необходимость рабочих отношений с Россией в целях снижения рисков разворачивания турецких военных кампаний в зоне Автономной администрации в случае вывода войск США из северо-восточной Сирии.

3. Районы, подконтрольные сирийскому правительству

Кирилл Семенов полагает, что значительные изменения ситуации в сфере безопасности на подконтрольных правительству территориях маловероятны. Однако существует вероятность сохранения напряженной обстановки в связи с проводимыми Россией операциями в провинциях Дарья и Эль-Кунейтра на юго-западе страны и деятельностью ключевых фигур сирийского правительства, в частности, Махера Асада и его 4-й дивизии, тесно связанных с Ираном. Россия и Иран, скорее всего, сохранят текущее эффективное «разделение труда» в Сирии, однако Москва опасается, что иранская деятельность в стране в отношении Израиля станет дестабилизирующим фактором, который поставит под угрозу российские цели в республике.

Россия будет продолжать искать возможности повлиять на события в районах, подконтрольных СДС и возглавляемой США коалицией на северо-востоке, и в основном это будет происходить за счет взаимодействия с местными арабскими племенами. Тем не менее Москва признает, что длительное военное присутствие США на северо-востоке в зоне СДС создает трудности для расширения там российского влияния, нацеленного на поддержку сирийского правительства. На сирийском северо-востоке российская маневренность ограничена, поскольку Москва не контролирует воздушное пространство, несмотря на

то, что ее силы патрулируют части сирийско-турецкой границы совместно с турецкими военными, а также несмотря на внушительные российские базы передового развертывания на подконтрольных правительству территориях, особенно в Эль-Камышлы. Провинция Дейр-эз-Зор представляет для России возможность поддержать сирийское правительство и позволить ему укрепить свою власть в стратегическом районе, но в то же время она является и вызовом, поскольку Иран активно наращивает там собственную зону влияния, что усложняет задачу по обеспечению стабильности, поскольку деятельность Ирана привлекает нежелательное внимание Израиля.

В последующие полгода и, вероятно, впоследствии общий подход России будет заключаться в продолжении консолидации позиции сирийского правительства и попытке сохранить неконфликтные отношения между Сирией и ее соседями. Ряд арабских государств, таких как ОАЭ, планомерно расширяют взаимодействие с Дамаском, которое Россия надеется по возможности обратить в реабилитацию статуса сирийского правительства в арабском мире и использовать для открытия каналов финансовой поддержки для восстановления на подконтрольных Дамаску территориях. Российско-турецкие договоренности по идлибской зоне важны, а статус-кво, который Москва согласовала с Анкарой, в целом расширяет российскую политику по Сирии, даже несмотря на установленный ХТШ контроль в данной зоне и действия сирийского правительства, периодически испытывающего статус-кво атаками по Идлибу. Российская сделка с Турцией олицетворяет московский подход к Сирии, заключающийся в минимизации разногласий с сирийскими соседями с целью заключения выгодных сделок, способных удержать Башара Асада у власти – стратегия, которую сирийское правительство до сих пор не может оценить по достоинству. Однако Россия не привержена идее сохранения Башара Асада у власти и открыта появлению альтернативного лидера или режима, если таковые поддержат неограниченное российское военное присутствие в Сирии для обеспечения ее иных долгосрочных интересов в этой стране.

Вероятные сценарии развития событий в течение года

Наиболее вероятный сценарий на северо-западе Сирии – сохранение текущего статуса-кво с незначительными изменениями. Более серьезные перемены маловероятны, поскольку динамика событий на северо-западе зависит в основном от более значимых вопросов, таких как расстановка сил в регионе или ключевые изменения во внешней политике стран. В настоящий момент в связи с военным присутствием Турции даже

незначительные изменения на северо-западе обходятся дорого. Следовательно, в краткосрочной перспективе данный сценарий наиболее вероятен, если только не произойдут коренные изменения в турецко-американских или турецко-российских отношениях в части северо-востока Сирии или международных вопросов. Внутренняя динамика в Идлибе в краткосрочной перспективе будет оказывать меньшее влияние на будущее северо-запада в целом. Однако в долгосрочной перспективе она может сыграть важную роль.

В северных районах Администрации северной и восточной Сирии, расположенных вдоль сирийско-турецкой границы, статус-кво между протурецкими силами и СДС выражается в напряженности и частых случаях насилия с обеих сторон, однако присутствие США и России в данном регионе снижает вероятность возобновления крупномасштабного насилия в обозримом будущем. Распространено мнение, что до тех пор, пока США участвует в сирийском конфликте на северо-востоке, внешние враги СДС вряд ли смогут заставить их сдаться; не смогут они и провести дальнейшие военные операции с целью захвата территорий Автономной администрации северной и восточной Сирии. Администрация Байдена демонстрирует готовность сохранить военное присутствие в Сирии и обеспечить финансирование для стабилизации обстановки в районах, ранее подконтрольных ИГИЛ, однако для СДС наступил переломный момент, поскольку им становится все труднее справляться с экономическими и геополитическими трудностями, стоящими перед Автономной администрацией.

Иран и Россия по-прежнему проявляют взаимопонимание, поскольку готовы и дальше поддерживать режим и продолжать работать с Турцией в рамках астанинского формата. Однако если отбросить официальную риторику, то отношения Москвы и Тегерана в Сирии можно описать как раздел сфер влияния и компетенций. На юго-западе страны существуют спорные регионы – провинции Даръа и Эль-Кунейтра, – где соперничество между Россией и Ираном продолжается. В данных регионах российские военные пытаются предотвратить чрезмерное присутствие проиранских группировок вдоль израильских границ, защищая силы так называемой «примилившейся оппозиции», включая примилившихся бойцов, действующих под флагом пророссийского 5-го корпуса сирийской армии.

В Даръа и Эль-Кунейтре по-прежнему будут действовать подпольные вооруженные ячейки оппозиции, нападающие как на службы безопасности сирийского правительства, так и на «предавших революцию» бывших членов вооруженной оппозиции, объединившихся с

Дамаском или вступивших в 8-ю бригаду 5-го корпуса. Данная ситуация также на руку службам безопасности Асада, которым все труднее официально предъявлять уголовные обвинения примирившимся повстанцам. Теперь же они могут избавиться от неугодных правительству «примирившихся» членов вооруженной оппозиции – например, членов 8-й бригады 5-го корпуса, – используя их собственные ресурсы, включая бывших повстанцев, поступивших на службу в сирийскую разведку. Сохраняется также и угроза провокаций против Израиля со стороны размещенных в регионе проиранских сил, а также ответных действий со стороны Армии обороны Израиля, хоть и маловероятно, что эскалация выйдет за пределы того, что уже наблюдалось ранее; скорее всего, она сведется к единичным ударам израильских ВВС и артиллерии. Следовательно, несмотря на сохранение очевидной напряженности в провинциях Даръа и Эль-Кунейтра, в последующие полгода кардинальные, принципиально значимые изменения маловероятны.